

Завтра в Центральном Доме Советской Армии открывается фотовыставка «Семилетка в действии». Мы публикуем две работы с этой выставки. Фото Ю. Абрамочкина

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что кто-нибудь из тех, кого мы сейчас называем обывателями, уснул летаргическим сном и проснулся прямо в коммунизме. Прогоняя сон, он обнаружил, что правду, оказывается, говорили, будто при коммунизме каждому по потребностям. Начальные слова известной формулы он все-таки пропустил мимо ушей — не волнует он его и в новом положении. А вот что касается потребностей, то это, так ему кажется, по его части. Первым делом он принялся бы создавать запасы. И понять его нетрудно: социальное положение человека никогда не было настолько прочным, чтобы он мог пренебрегать такими понятиями, как «везет», «не везет».

Но неуверенность в завтрашнем дне — это только одна и притом не главная черта его психологии. Дело в том, что, кроме обычных человеческих потребностей, мещанину свойственна как родовая, наследственная черта потребность отличиться от людей, «вызвытаться» над ними. А поскольку ему не приходится полагаться на свои способности, так как сама по себе такая психология менее всего благоприятствует развитию способностей, то единственным средством показать себя остается «широта», «размах» потребностей. Между словами «уметь» и «иметь» мещанин никогда не улавливал заметной связи. Первое признавалось, пожалуй, только в одном случае — в сочетании «уметь жить», а само это «умение жить» сводилось все к тому же «иметь».

Можно предположить, что никто не стал бы отговаривать этого последнего из миганов мещанина создавать себе запасы. И это было бы достойным наказанием ему за его прошлое: очень скоро обнаружилось бы, что со всеми своими запасами и «богатствами» он стал глубоко несчастным существом. Для мещанина ведь не достаточно иметь больше, чем имеют другие. Ему необходима уверенность в том, что другие не могут по-зволить себе того, чем обладает он.

То же можно сказать и о его потребностях духовных. Понажи такому Третьяковскую галерею, и у него, глядя, возникнет «потребность» получить ее в личную собственность. Опять же не для того, чтобы наслаждаться ее сокровищами, но чтобы позволить этого никому другому. В сущности, наслаждение вещами — единственный доступный для него вид духовного наслаждения — основывается не столько на сознании того, что он их имеет, накопил, сколько на подлой радости от того, что их не могут иметь другие. И счастливы мещанин не своим счастьем, а чужим горем. По советской теории, коммунизму он боится потому, что чувствует: лишит он его такой «радости» и такого «счастья».

Но мещанин, создающий себе запасы «по потребностям», мещанин в коммунизме — фигура, как всякому коммунисту, весьма условная. И если бы мы пришли к коммунизму такими, какие мы сейчас, то, пожалуй, больше было бы хлопот не с тем, у кого потребности столь непомерны и несуразны, а с тем, кто не сознает своих потребностей, у кого представления о них все еще ограничены.

«Хозяева жизни» имели достаточно времени — сколько веков! — чтобы заставить простого труженика поверить в то, что нет у него никаких потребностей, кроме потребности в пище. В их власти было сделать так, чтобы мысль о еде преследовала человека до могилы, не оставляла места для других забот и желаний. Нищета, с которой были миллионы создающих богатство, была не только следствием эксплуатации, но и ее орудием.

И, право, не так уж смелым герой известной сказки, мечтавший о том, что если бы он был царем, то каждый день ел бы жареную курицу и спал бы на свежей соломе. А другой хотя и не обладал столь богатым воображением, что бы представить, как именно жил бы он, став царем, но был уверен, что жил бы еще лучше, потому что шитьем приправал бы все. Все это народные шутки. Но как трудная и безрадостная была жизнь, если она учила так горько шутить. И, впрочем, не мудрено было дойти до мысли, будто в жизни человека было только одно, что нужно, что три аршина земли.

Не везде еще стерлись следы прошлого. Остались они и в представлениях о потребностях. Ограниченность потребностей, которая навязывалась людям постоянными напоминаниями о том, что они в жизни не хозяева, а работники, — прямое наследие прошлого. За-

У К А З ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ СЕВУНЦА Г. С. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и отмечая заслуги в развитии советской литературы, наградить писателя Севунца Гарегина Севунца орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. ВРЕЖНЕВ
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 28 марта 1961 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ О Р Г А Н П Р А В Л Е Н И Я С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р Г А З Е Т А

Год издания 32-й
№ 39 (4318)

Четверг, 30 марта 1961 г.

Цена 4 коп.

ДРУЗЕЙ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ

СОВЕТСКАЯ страна всегда привлекала внимание зарубежных деятелей культуры. С первых дней своего существования она, как магнит, притягивала к себе выдающихся писателей, и многие из них, хоть раз побывав в Советском Союзе, становились искренними нашими друзьями.

В последние годы интерес к СССР и советским людям еще больше вырос. Только по приглашению Союза писателей за последние пять лет у нас побывало больше тысячи зарубежных писателей из различных стран мира. В минувшем, 1960 году нашу страну посетил около 160 писателей из 30 стран. Среди них были американцы Митчел Уинсон и Уильям Сароян, английский писатель Джеймс Олдридж, венесуэльский поэт Карлос Аугусто Леон, испанский писатель Халалос Лаксисес, югославский поэт Десанка Максимович, индийский писатель Кришна Крипалаани, китайский писатель Хо Ци-фан, японский литературовед Хакуэ Накамура, венесуэльский драматург Сесар Ренхифо и многие другие.

Большим событием минувшего года явилось участие писателей 22 стран в юбилейных торжествах.

Многие из наших гостей по возвращении домой публикуют книги, очерки и статьи, полные добрых чувств к нашей стране. Большой интерес, в частности, представляют очерки французских писателей Андре Брюссера и Луизы Маммак, вышедшие отдельной книгой, книга канадского поэта Уилсона Макдональда, очерки французского писателя Жюльетты Виан, итальянцев Витторелли и Монтегаль, датских писателей Оге Палласена и Ханса Кирка, стихи аргентинского поэта Рауля Гонсалеса Туньона.

Наряду с этим все чаще выезжают за рубежи наши Родины советские писатели. Они побывали в прошлом году в Австралии, Албании, Индии, США, Чехословакии, Польше, Болгарии, на Кубе, в Нигерии и многих других странах.

Все большее значение приобретает участие наших писателей в различных встречах, которые проводят писательские организации. Непосредственный след оставила

Беседа с секретарем правления
Союза писателей СССР
М. БАЖАНОВ

Ташкентская конференция писателей стран Азии и Африки, одной из основных целей которой было развитие и укрепление дружеских контактов между литераторами афро-азиатских стран. В соответствии с решением этой конференции в январе нынешнего года в Коломбо состоялась первая сессия Постоянного бюро писателей Азии и Африки.

Советские писатели приняли также участие в заседании Международного комитета по подготовке Второй конференции писателей Азии и Африки, которая должна состояться в конце этого года в Каире.

Советские писатели были в числе инициаторов рождения и другой международной писательской организации — Европейского сообщества писателей, созданного в Непале на конгрессе представителей 23 европейских литератур.

Новое сообщество ставит своей задачей расширение обменов, переводов, встреч, оно использует все возможности объединения писателей Востока и Европы.

В члены этого сообщества вступила большая группа советских писателей, и мы полагаем, что их участие в таком международном органе будет способствовать дальнейшему сближению писателей, придерживающихся различных социальных взглядов.

Советские писатели придают большое значение сотрудничеству и в таком международном органе, как журнал «Европа литературы», который начал выходить в Италии в прошлом году. Главным редактором журнала является видный итальянский общественный деятель генеральный секретарь Европейского сообщества писателей Джанкарло Витторелли.

Редактируемый им журнал, не являясь официальным органом сообщества, представляет собой как бы «круглый стол» европейской литературы. Здесь публикуются наиболее значительные произведения

писателей разных стран Европы. В вышедших номерах были напечатаны отрывки из «Экзистенциальных» И. Иаффа, «Последние годы Чехова» Киплер-Чеховой, стихи А. Суркова, Л. Мартинова, А. Ахматовой, воспоминания о встречах с Мориаком и Леже А. Чаковского, отрывок из книги «Родина и чужбина» А. Твардовского, «Римские впечатления» В. Некрасова, интервью с М. Шолоховым. Журнал печатает также критические и литературоведческие статьи о советских писателях и их творчестве: о романе К. Сименова «Живые и мертвые», о творчестве К. Паустовского, о переводах на итальянский язык произведений М. Шолохова.

Советские писатели примут участие во всемирном форуме молодежи, который состоится в 1961 году в Москве под лозунгом «Молодежь середины XX века и ее проблемы».

Следует сказать, что не все международные писательские организации отвечают возлагавшимся на них надеждам. Последний конгресс Пен-клуба в Рио-де-Жанейро, например, показал, что его трибуна используется не для укрепления международных связей писателей, а для злобных выпадов против литераторов социалистических стран.

Одной из действенных форм культурного обмена, направленного на сближение народов и на укрепление дружбы между ними, является взаимное ознакомление с литературными ценностями. Статистика ЮНЕСКО подтверждает, что в СССР переводится больше, чем в других странах, книг иностранных авторов.

В этом году советский читатель ознакомится с современным творчеством писателей африканских стран как в отдельных книжках, так и в журналах «Иностранная литература» и «Всесвіт».

В нынешнем году мы будем отмечать много лет международного характера: 150-летие со дня рождения аргентинского писателя Хаустиньо Сармьенто, 100-летие со дня рождения индийского писателя Рабиндраната Тагора, 150-летие со дня рождения английского писателя Теккерея, 25-летие со дня смерти испанского писателя Федерико Гарсиа Лорки, 80-летие со дня рождения китайского писателя Лу Синя.

Расширяются географические рамки писательских связей. Советские писатели побывают в Объединенной Арабской Республике, посетят Гану, Гвинею, Сенегал. Как дорогих гостей, мы будем принимать у себя литераторов новых африканских государств.

Советская литература имеет много друзей за рубежом нашей великой Родины. Наш долг — множить число этих друзей.

ИЗ ЗАПИСНОЙ
НИМКИ
ПИСАТЕЛЯ

В ЭТОТ сибирский
сезон мы при-
ехали с Нико-
лаем Ивановичем,
инспектором из министер-
ства. Я познакомился с ним накануне.

Апрелем, застрявший кандидат наук, показавший на спелом человеке веселый, артельный, но как только мы, одолев сто километров ухабиной дороги, подъехали к совхозной конторе, Николай Иванович как-то весь подобрел, как-то весь наершился, как-то весь ошестинился, словом, винг обратился в лицо строго начальствующее.

Мы отправились в поле. Комбайны косили хлеб напрямую. Они с трудом продирались сквозь заросли остоа, по-
лыни, лебеды, то и дело останавлива-
лись, и тут их, надрынных, тоскливых
руч с подъявками, разносил по суме-
ренной степи.

— Дела-а, — протянул Николай Иванович. — И надо же так засорить по-
лосы! Недолго и волков завести...
— Уже есть, — отозвался шофер. —
На той неделе хлопцы из бурьянов
двух перерывов выгнали...

Директор молчал. Там, в конторе,
встретив нас, он радовался, хлопотал
вокруг Николая Ивановича, звал и же-
не, чтобы приготовить ужин, а сейчас,
ссутулившись, сидел рядом с шофером,
смотрел в степь и не оборачивался,
слушал инспектора.

И это называется культурой зем-
леделия! — язвительно говорил Нико-
лай Иванович. — Культурой?

Он был прав абсолютно: культурой
тут и не пахло. Мало того, что поля
были засорены, их после посева не при-
катали, и комбайны, раскачиваясь, пе-
реползали через высокие гречиш, пыля
по полю, как по волнам в штормовую
непогоду.

— Приказ по нас платят, товарищ
директор, — зю сказал Николай Ива-
нович. — Хар-роший приказ! С ор-
выходами!

Настраение было испорчено. Начался
дождь, надоедливый, мелкий, и все
вокруг показалось серым, невзрачным.
На ферме директор хотел показать мо-
лодое стадо, но Николай Иванович
увидел купол навоза, сложенного, видимо,
е в позапрошлом году.

— Так вы относитесь к удобре-
нью! — резко сказал он, трогая кучу
носом ботинка. — Директивы, прика-
зы, указания — все вам мимо ушей!
Или думаете, что земля тут вечно бу-
дет родить без навоза? Так думаете?

— Нет, не так, — негромко возразил директор. — Не так я думаю...

А навоз не вывозите...
Директор вздохнул и сказал шоферу:
— Давай, Федя, в контору.

У конторы мы пересели в свою ма-
шину, и пока шофер заправлял бензин,
директор стоял тут же и держал шланг.
Шланг был дырявый, бензин светлой
струйкой подливал полу директорской
куртки, но он не замечал этого.

— Вел! — сказал Николай Ива-
нович. — Поехали! Оч-чень плохо у вас,
товарищ директор. Я буду вынужден...

Он не успел сказать, что он именно
будет вынужден сделать, но директор
понял, что ему грозит. Машина
тронулась. Я оглянулся. Директор стоял
посреди дороги — приземистый,

ТЕБЕ, ЦЕЛИНА!

НОВЫЕ КНИГИ

Целина сегодня — передний край семилетки. Не случайны дела и думы покорителей целины все чаще находят отражение в творчестве наших писателей. В 1961 году издательство «Советский писатель» выпустило книги В. Журавлева, С. Залыгина, С. Кругликова, О. Марковой, В. Панова, А. Хоружего, посвященные этой большой теме. Готовится к изданию поэма «Песнь о целинном хлебе» автор которой, М. Воронков, работал на целине в совхозной многоот-
рядке.

В июне, когда закончатся посевные работы, представители издательства «Советский писатель» выедут в Целинный край для проведения конференции чита-
телей по книгам о нашей современности. Несомненно, это будет интересная и по-
лезная встреча.

Работники издательства могут сделать и еще одно полезное дело: взять шеф-
ство над библиотеками Целинного края.

ОТ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОВОЛЖЬЯ...

Недавно в Сталинграде вышла серия плакатов, посвященных труженикам зем-
леделия и животноводства. Тексты к этим плакатам, поступающим сей-
час на животноводческие фермы, в бригады колхозов и совхозов, в том чис-
ле и на новых целинных землях обла-
сти, писали сталинградские писатели.

Интересные планы выездов в кол-
хозы и совхозы, выступления в сель-
ских университетах культуры осущест-
вляют писатели Сталинграда и Куйбышев-
ска. На оставшихся на днях партийном
собрании Куйбышевского отделения Со-
юза писателей решено взять шефство
над одним из отстающих колхозов обла-
сти.

Тепло встречена читателями южно-
кавказская повесть о целинниках С. Кузнецова,
изданная недавно Детгизом. «В дверь
стучится друг», большую поэму о героях
целинников закончил молодой куйбышев-
ский поэт В. Столяров.

Писатели Поволжья откликнулись на
призыв Н. С. Хрущева создавать новые
книжки, кинофильмы, песни, музыкальные
произведения о тружениках целины.

Все это только начало большой ра-
боты, которой заняты писатели Поволжья.
гор. КУЙБЫШЕВ. (Наш корр.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЦЕЛИННИКАМ

Год от года крепнет дружба белорус-
ских писателей с тружениками целины.
Побывав в разное время на целине, поэ-
ты и прозаики посвятили ее людям своим
произведениям.

Летом прошлого года на целину выез-
жал молодой писатель, учитель по про-
фессии, Алексей Савицкий. Впечатления
от этой поездки легли в основу его по-
эмы «Нас только семеро», опубликован-
ной в февральском номере журнала
«Маладошча».

В только что вышедшей в Белгосиздате
книжке журналиста Валентина Пономарева
помещен большой очерк о героях целин-
никах.

МНСК. (Наш корр.)

СТРУЖКА

Георгий РАДОВ

всплощай, и вспо-
нимся, как весело он
заказывал по телефону
ужин. Теперь, наверно,
ужин готов, и при-
ходит в контору.

Французская хозяйка нетерпеливо погла-
живает в окна...
А на другой день в городе было со-
вещание, и выступал Николай Ивано-
вич и напропалую бранил директора.

И, вероятно, для того, чтобы жесткие
слова звучали убедительнее, он спущал
книжки, и мне, да, видно, не одному
зине, вчерашняя навозная куча после
слов Николая Ивановича показалась
высокой навозной горой. И я заме-
тил, как секретарь райкома из прези-
диума строго посмотрел вниз на ди-
ректора и укоризненно покачал головой.

Потом Николай Иванович, наверно
для контраста, похвалил другого ди-
ректора, у которого он был сегодня у-
тром. Этот директор, Виктор Сергеевич
Демущкин, молодой, полный энергии
здоровяк в хрустящей кожанке, мой
старый знакомый, сидел рядом на по-
следней скамейке. Это был давний ди-
ректор и умный директор. Он работал
в знаменитом семейном совхозе,
был, что называется, в зените славы,
часто принимал гостей, был отлично
знаком с министром, и похвалы Нико-
лая Ивановича, рядового инспектора,
кажется, не очень радовали его. Не
дослушав речь, он тронул меня за ру-
кав:

— Выйдем покурим...
Мы прошли в буфет и спросили пи-
за. Виктор Сергеевич смахнул с ярнх
двух капели пены, сказал встрево-
женно:

— Вот же навалился на бедного
Степана! Не выдержит, шпынует... Уж
лучше б инспектор мне отослал — я-
то бронированная. А Степан Федото-
вич — он же до невозможности чув-
ствительный. Долго будет переживать...
— А может, это к лучшему? Будет
переживать — поскорей устраним не-
достатки.

— Недостатки! — всплыл Виктор
Сергеевич. — Они у Степана были
недостатки! Стоило из Москвы ехать,
третий день... Да что он, Степан Федото-
вич, без нас не видел сорняков? Не
знает, как с ними обращаться? Не мо-
золила ему глаза навозная куча? Он
нашпилил Эй, Нюра, дай-на мне пачку
«Беломора»...

Закрутил, сказал:
— За одно я Степана ругаю: не уме-
ет начальство возить. Это же хозяй-
ство — не выставка, тут всякое может
случиться. У нас won на трех гектарах
тракторист напачкал, квадраты не
получались, заросла кукуруза, — что ж,
думаешь, повез я инспектора на те три
гектара? Черта с два! Я его такой до-
рожкой провез, что у него дыхание за-
хватило от полного ажюра. А как ты
думал! Кабы я знал, что едет человек
понимающий, с широким взглядом,
такому б я все зазвонил открыл. А этого
офитина я насказываю: вижу: ему абы
хотинские настричь для донавозной за-
писки. Зачем же я его повез на куку-
рузу? Посеву он уже не поможет, дело
забыто, а на свет свет разостроил:
Демущкин, мол, против квадратов. А
мне этот трезвон хоть и не опасен, но

(Окончание на 2-й стр.)

(Окончание на 4-й стр.)

...СОЛНЦА уже не видно, но на вершинах гор еще лежат флюиды отблески. Внизу — черные джунгли. В горных ущельях мигают первые нераскрытые лампы и резко различны индические мелодии. Движение на дороге прекратилось — последний грузовой из боеприпасов, замаскированных зелеными ветками, промчался к фронту с подчас назад. Я сижу на пустой бочке изпод бензина и не спускаю глаз с озабоченного домика, где идет совещание.

ЛАОС ХОЧЕТ МИРА

своего философа, чем полководца.

Хорошо, победим.

Войдех ЖУКРОВСКИЙ, польский писатель

всего 24 часа на каждую такую девятку; на следующий день их уже сменяли. И снова надо было начинать сначала, не теряя надежды.

Полковнику Сингапо, который повсюду встречал своих бывших учеников, удалось уговорить офицера...

Безжалостно мы в полдень, в самую жару, когда дул сильный ветер. Кругом вылась пыль. Вздых охраняя спал, так как это была пора «сезона» — полуденного отдыха. Мы вышли в промокшие насквозь от пота гимнастерки, с оружием наших сторожей и спрятались на ближайшей плантации сахарного тростника. Мы видели наших преследователей. Мчались по дорогам грузовики, полные солдат, летал над нами вертолет. Но искать нас было бесполезно. Мы не хотели умирать. Потом было пугающее километровое путешествие через горы, был голод. Я тяжело заболел, несколько раз терял сознание. Ноги у каждого из нас были сплошь покрыты ранами...

Вот тогда-то я и пережил самый счастливый момент в своей жизни...

Ночью мы встретили крестьянина, который сочувствовал Патет-Лао. Издалека пошел я запах дыма — ни с чем не сравнимый запах жилья: крестьянин-патриот привел нас к себе домой. Впервые после бегства мы ели горячую пищу, дымившийся рис. А потом мы улеглись на пол под жестяной крышей нашего хозяина. Я, принц, лежал на жесткой циновке этого бедняка, почувствовав себя словно в родном доме. Мне же вы представили себя мою радость?

— Как только закончат обсуждения, позвонят нас... — говорит переводчик. — Принц хочет познакомиться с вами. — А! Значит, и принц здесь? — не скрывая удивления и подождав, что «дипломат» эскорта, небрежно оставленным среди высоких стелб кукурузы, — Здесь, здесь! — отвечает переводчик. — Сегодня прилетел. И Кинан Фолсена с ним. Но — тсс! — это военная тайна! По крайней мере сейчас, до начала митинга. Предстоит его встреча с населением Сент-Кюанты. Вы же знаете, как бывает? Благодариме, грубо соблюдая осторожность.

— Его Высочество принц Суфанувонг просит вас к себе, товарищ! — окликнул из веранды. — Здесь ли этот поляк-писатель? — снова крикнул офицер, ослепленный светом лампы и потому не заметивший меня. — Прощу сюда!

Шуря глаза, я вхожу в комнату, сопровождаемый капитаном Конг-Ле. Меня усаживают справа от принца Суфанувонга. Предлагают закуски. Мы оба обмениваемся приветствиями, случаю любезностями, справляемся о здоровье. Прислаиваемся друг к другу. Принц приветливо улыбается и доверительно спрашивает:

— Вы хотите беседовать со мной сейчас или подождите до утра? — Кто из нас может предвидеть, какие дела придется решать завтра? Если позволите, ваше Высочество, я предпочел бы сейчас...

— А что вас интересует? Что бы вы хотели знать? — Что-нибудь близкое к правде. Принц Суфанувонг снисходительно улыбается.

— Вы писатель? — Да. — Мне рассказывали о вас... У нас впереди целая ночь. Так что подкрепляйтесь, а потом мы останемся вдвоем и побеседуем. Вы уже решили, о чем будете спрашивать меня?

— Разумеется. Прежде всего о вашей личной судьбе. Не часто приходится встречать наследника трона в рядах революционной армии. На этот счет существует такое множество версий! Хотелось бы услышать вашу собственную, авторитетную...

— Нет никакой «авторитетной». Я просто сообщаю факты, а оценка их будет дана уже после моей смерти. Сегодня могу сказать только одно: да, я жил, я сражался. Это все!

Принц задумался, медленно вытирая руки влажной салфеткой. Лицо у него было бледным, как у покойника.

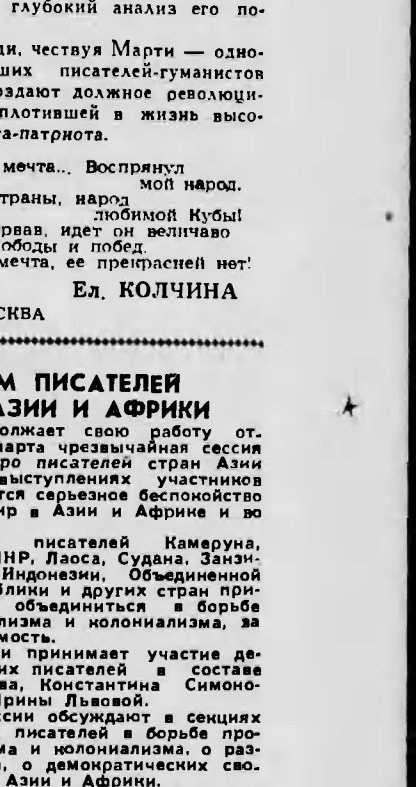
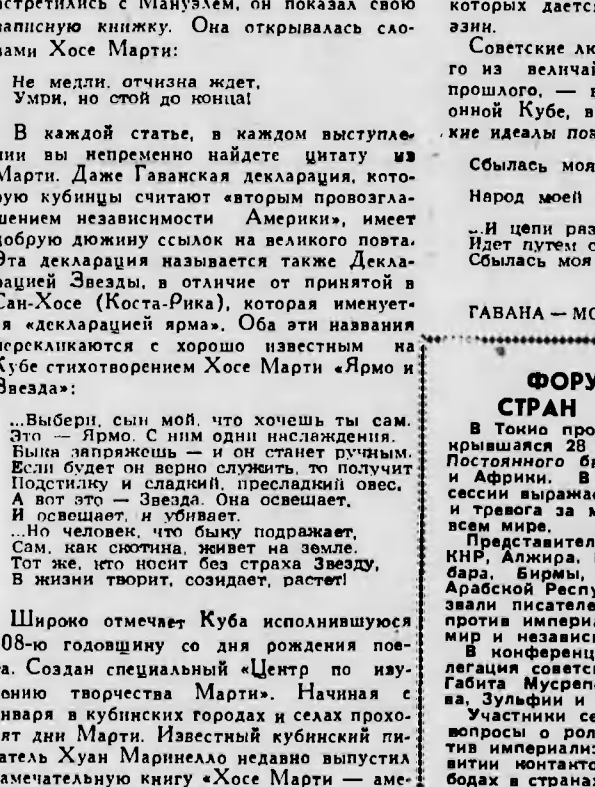
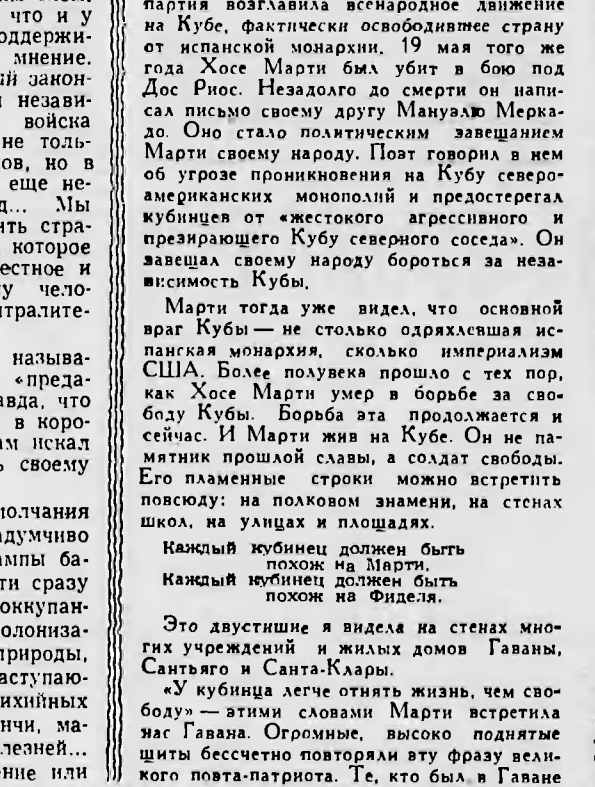
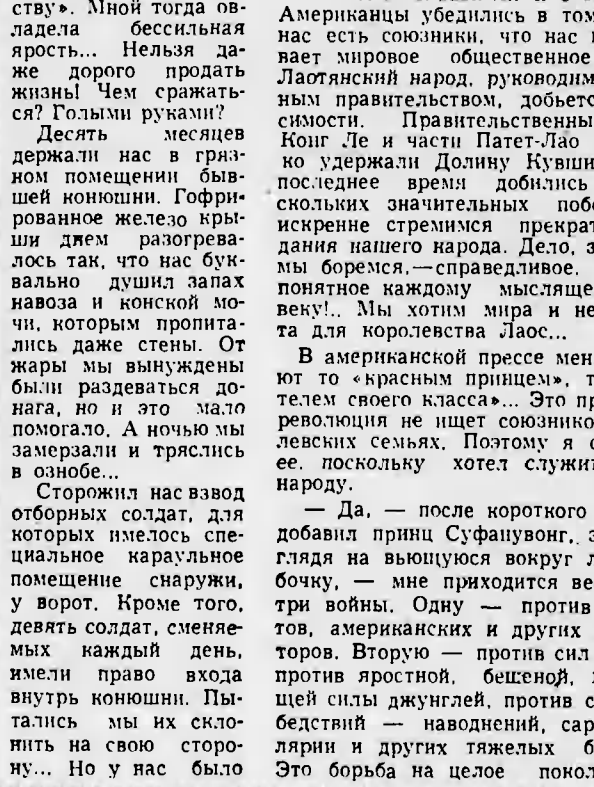
— Это были связаны между собой... — в раздумьи улыбка принца Суфанувонга. — Самым главным был тот день, когда меня арестовали вместе с полковником Сингапо и по секрету сообщили, что 28 мая, по дороге в Судан, нас убьют якобы «при попытке к бегству». Мною тогда овладела бессильная ярость. Нельзя же дорого продать жизнь! Чем сражаться? Голыми руками?

Десять месяцев держали нас в грязном помещении бывшей конюшни. Гофрированное железо крыши дыряло, разбрасывая дождь, но и это мало помогало. А ночью мы замерзали и дрожали в ознобе.

Сторожил нас взвод отборных солдат, для которых имелось специальное караульное помещение снаружи, у ворот. Кроме того, девять солдат, сменяемых каждый день, имели право входа внутрь конюшни. Пытались мы их склонить на свою сторону... Но у нас было

десять месяцев держали нас в грязном помещении бывшей конюшни. Гофрированное железо крыши дыряло, разбрасывая дождь, но и это мало помогало. А ночью мы замерзали и дрожали в ознобе.

Сторожил нас взвод отборных солдат, для которых имелось специальное караульное помещение снаружи, у ворот. Кроме того, девять солдат, сменяемых каждый день, имели право входа внутрь конюшни. Пытались мы их склонить на свою сторону... Но у нас было

Бойцы Патет-Лао на марше. Снимок из немецкого журнала «Фреге кельт»

Бойцы Патет-Лао на марше. Снимок из немецкого журнала «Фреге кельт»

Бойцы Патет-Лао на марше. Снимок из немецкого журнала «Фреге кельт»

Бойцы Патет-Лао на марше. Снимок из немецкого журнала «Фреге кельт»

Бойцы Патет-Лао на марше. Снимок из немецкого журнала «Фреге кельт»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Социалистический труд рождает людей, объединяет их духом товарищества и взаимного уважения. Он воспитывает потребность в труде как потребность общения человека с человеком, и для него труд и эгоизм, может быть, несовместны еще более, чем гений и злодейство.

Настоящий человек прежде всего чувствует потребность в людях, в их поддержке, их добром мнении, их доверии. Советское общество борется за такого настоящего человека. В том чистом смысле литературой. С этой точки зрения, мне думается, большой интерес представляет талантливый роман Владимира Киселева «Человек может».

Жизненный путь героя романа В. Киселева сложен и труден. Юношей без опыта, с очень смутными представлениями о том, что есть честь, порядочность, он стал невольным сообщником бандита. Все во имя тех же распылчатых понятий чести и порядочности, и был сурово наказан. Легче и проще было бы возвращаться в жизнь, если бы с ней был он прочнее связан, если бы было дело, которое пришлось бы на время оставить, и люди, с которыми была надежная, честная связь. Но у Павла Сердюка ничего этого не было. Ему пришлось начинать, в сущности, с чистого листа, и за это время он мог встретить лишь несколько знакомых, но ни одного друга. Случай свел Павла к одинокому человеку, но судьбу его как человека решила работа на строительстве, трудовой коллектив, где только и можно понять и почувствовать, что человек все может, колы он человек, где действительно приобретает «жесткость» — способность сопротивляться образованно деформации. Способность не поддаваться. Поэтому что только здесь познается любовь к людям. А жесткость — это она и есть. Без нее и самый энергичный монтажник, и самый талантливый — в лучшем случае энтузиасты без цели.

Если с некоторыми хорошими людьми свел Павла случай, то с Петром

Афанасьевым Суликой — сама жизнь. Человек честный, трудовой биографист, настоящий коммунист, Сулика излучает столько света, столько мудрости и доброты, что для каждого, кто с ним сталкивается, он становится как бы живым олицетворением совести. В своей жизни Павел не раз то с гордостью, то с болью и смущением обращался к мысли о Сулике, словно и своей совести: как отозвался бы он, как оценил бы тот или иной его шаг. И эта потребность — проведать свою жизнь совестью Сулики, та же, как Сулика, оставшаяся постоянным стимулом роста Павла как человека. Сулика, независимо от того, обращался ли к нему Павел в данном случае, часто поддерживал его в хорошем, нужном деле и не раз предостерегал от неверного шага, дурного намерения. «Здорово все-таки, что есть такие люди. Очень здорово», — думает Павел. И, что самое важное, влияние Сулики на Павла и на окружающих вообще таково, что оно освобождает мысли и чувства людей от любых проявлений индивидуализма, себялюбия. Действительно, в каждом случае, когда Павел отступался, причина оказывалась одна: «...от жизни оторвался. От товарищей. Индивидуализм стал». Так объяснял Петр Афанасьевич ошибку и срывы Павла и делал все для того, чтобы и Павел так их понимал, воспринимал в себе способность к внутренней самокритике.

В романе «Человек может» болезнь индивидуализма раскрывается как одно из главных препятствий развития человека. Человек все может, жизнь освобождает все новое и новые источники его силы. Но если он думает, что он может потому, что лучше других, что может только он и никто другой, он мало того что заблуждается насчет других, — он должен будет вскоре убедиться, что прежде всего насчет себя заблуждается. Один он очень мало мо-

жет и уж определенно не может ничего, если только о себе одном думает. Сила романа В. Киселева именно в этом: в утверждении коллективизма как единственного источника развития личности.

В книге В. Киселева приводятся слова английского ученого Нормана Коупленда: «Сейчас психологи пришли к общему мнению, что обычный человек использует только десять процентов своих физических и умственных способностей. Разница между той силой, которую он использует, и той, которая действительно имеется в его распоряжении, — это разница между тем, что он есть, и тем, кем он может быть».

Высвобождение энергии человека, имеющейся в его распоряжении, — важнейший источник роста нашего общества, его паразитических успехов. В свободном, социалистическом труде советский человек познает самую радость, самую тайну жизни — кем он, человек, может быть. Но познать эту тайну — значит понять великую силу коллектива, трудового товарищества и идейного единства.

Иметь в полную силу души — высшая потребность, подчиняющая себе и обогащая себя все другие. Но для того чтобы ее удовлетворить и даже осознать, человеку необходимо познать, что нет у него врага злей и опаснее, чем индивидуализм, эгоизм. И при этом не только эгоизм других, могущий омрачить его чувства, но и свой собственный. Он может лишить человека половины радости жизни — радости общения с людьми, счастья радоваться их счастью. Не говоря уже о таких вещах, как зависть, подозрительность, озлобленность, — о той добровольной ноше, которую возлагали на себя эгоист и из-за которой света белого не видят.

У советского общества много средств борьбы за освобождение человеческой

личности для жизни честной и большой. И среди них — воспитание эстетических потребностей, эстетического чувства.

Значение эстетического чувства в нравственном воспитании людей объясняется, между прочим, тем, что эстетическое помогает борьбе с эгоизмом, индивидуализмом. И дело не только в том, что удовлетворение эстетического чувства одним лицом не причиняет ущерба другим, что симфония не терять своей прелести от того, что ее прослушали, а краски не лишают от того, что картина смотрится. Важнее всего то, что радость, испытываемая человеком при виде прекрасного, ведет его к людям, а не от людей, объединяет с ними, а не разъединяет. И мы не много знали бы об истинном значении искусства, если бы не его способность убеждать человека в том, что он, как другие люди, и что те причины, по которым ему бывает и грустно, и радостно, и больно, как правило, и у других вызывают те же чувства: и грусть, и радость, и боль. Искусство, если оно настоящее, большое искусство, постоянно враждует с эгоизмом, ибо всегда настаивает на том, что одно «я» не может требовать себе преимуществ по сравнению с другими.

Мы надеемся, что еще нашему поколению, начинающему сознательную жизнь в годы Отечественной войны, удастся вступить в общество, где все благо будет распределяться по потребностям, при этом по потребностям неизмеримо большим, чем они представляются нам сегодня. Социализм, узаконивший принцип: от каждого по способностям, каждому по труду, навсегда устранил господствовавшие веками отсталые потребности от способности, сблизил их и превратил рост потребностей трудящихся в прямой стимул развития их способно-

стей, что позволяет создать материальные ценности в таком изобилии, чтобы их хватило на всех.

Но для перехода к распределению по потребностям недостаточно, чтобы было что делить. Для этого необходимо, еще такое изобилие нравственных ценностей, чтобы каждый мог испытывать радость не только от того, что он может взять себе все, что ему нужно, но и от того, что он может дать людям то, что нужно им, чтобы слова «брать» и «давать» имели равное моральное значение. Среди тех потребностей, о которых заявил человек, придя в коммунизм, будут высшие нравственные потребности — в труде, в красоте, в общении с человечеством.

Люди придут в коммунизм не в гости, а в свой дом. И уже сейчас надо мерить свой шаг по коммунизму. Все более важным, притом исторически важным, становится сейчас не только то, каким предстает человек на виду у общества, как проявляет себя в отношениях с другими людьми, но и то, каким он остается наедине с собой. Ведь коммунизм — это, в частности, исчезновение различия между тем, каким человек предстает в наших глазах, и тем, каков он на самом деле. Ибо правила коммунистического общества соблюдаются не потому, что их хорошо учили все, а потому, что они создаются всеми.

Пришло время, когда для подлинной оценки достоинства человека важны не только сам по себе труд и его результаты, даже не сам по себе подвиг и его последствия, — так же важны челове-

ческие мотивы, побуждавшие к или иное дело на труд и на подвиг. Это значит, как само собой разумеется, что в таких условиях личность человека получает самую справедливую оценку и самое полное признание.

Социализм и коммунизм проявляют непрестанную заботу о том, чтобы каждый человек имел все необходимое для хорошей жизни, чтобы он имел полный достаток продовольствия, одежды, жилищ. Именно: каждый человек, речь идет о расщеплении и обогащении представлений человека о том, что ему необходимо для достойной жизни. Социализм и коммунизм ставят своей целью такое воспитание, такое духовное освобождение человека, чтобы он стал действительно общественным человеком и была создана такая жизнь, чтобы, как писал поэт, «люди людей узнавали в лицо».

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКО Академии наук СССР ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ

по специальности: советская литература, русская литература XIX в., литература народов СССР и зарубежных стран, творческая литература и фольклор. Принимаются лица, имеющие стаж работы по избранной специальности. Конкурсные экзамены с 1 по 20 сентября. Документы, стипендиальный реферат и опубликованные работы направлять в институт: Москва Г-89, ул. Воронцовская, 25-а.

И. о. главного редактора В. А. КОСОЛОВО. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литтлзет). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-09-33, искусств — В 1-11-69, литературы народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутир — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б-04164